

Из дневника Зенитчика*

Ю. Н. Бучинский

20 февраля 1942 года
Как серо проходят дни... прошло и 20-е число. День за днем, день за днем, опять думал продать хлеб и олифу, но не смог. Начал делать ножик. Рисовал схемы будущего приемника. Вчера вечером получили по 15 грамм курева. Сегодня расхаживаю и курю. Как бы тиски достать. Сегодня готовил шамовку Кибиткин – голодно было. На ужин я зверски рассердился, зло взяло. Дали гороховой каши. Каша мировая, вкусная, но мало-мало. Съел и только раздражил себя. Будет ли время, черт возьми, когда я бы сел и съел бы столько, сколько захотел? А...! Солнышко все припекает. Тревоги становятся все чаще и чаще и продолжительнее, словом, летом начнется...

Сегодня что-то наш «шибздик» был на кого-то зол и с 10 часов стоял на дворе по 100%.

21 февраля 1942 года

До самых четырех часов не спал. Ну и тревог сегодня. Даже пообедать по-человечески не удалось, только налили первое, как вдруг тревога, ну и ели холодное. Правда, обед был вкусным и нормальным. Приходил комиссар дивизиона, рассказывал о положении на фронтах. Сказал кое-что интересное, но правда или нет – неизвестно. Говорят, что наши взяли Новгород, Красногвардейск и прочее и прочее, одним словом, дошли чуть ли не до самой старой границы. Все это как будто передает английское радио.

Получили вечером наконец-то газеты «Красная звезда» с 10 по 12, я накинулся на них, как голодный зверь. Пишут, что уже на некоторых участках идут бои за Белоруссию. Словом, идут слухи, что дела большие, но в газетах все не пишут. 15 февраля наконец-таки пал Сингапур. Были тревоги, и мы два раза пальнули. Словом, опять шарманка.

Ленинградцы у машины, доставившей свежий хлеб.
5 февраля 1942 г., Ленинград. Фото В. Федосеева

Заступил в наряд на кухню, стою с восьми часов – сутки. С электромонтером как будто договорился насчет [неразборчиво] или микро или СО-116, здорово дерет за них. Ну, хер с ним. Купил еще две пачки бумаги. В газете за 20-е было сообщение о успехах Федюнинского, который прорвал кольцо немецкой блокады Ленинграда.

Пришел с поста и, черт меня подери, узнал, что на 2-м орудии режутся в карты, взял да и пошел. Проиграл 131 рубль почти за 30 минут.

22 февраля 1942 года

Да, проиграл. Утром сэкономил 200 грамм, продал, с опаской великой, за 52 рубля. Стоял день в наряде. Ночью мирно было стоять, топил печь, решал на доске даже задачи и, кстати, одну решил. Привезли кино, опять «Возвращение Максима». Его раз 5 привозили. Пообедал херово, хотя супу съел целый котелок, но вода, а второго всего ложка – не хватило. Возился с ножом. Вечером вырезал [неразбор-

чиво], получилась даже хорошая. Достал, вернее, сорвал радиоограничители, в которых много парафина, сопротивление [неразборчиво] и конденсатор. Опять на меня напали. Старшина вызвал и обвинил меня в том, что я якобы принес в землянку весы для «контроля», но принес их не я, а другой, но все же частично я остался виноватым, так как «комиссар мне не доверяет, однажды он усомнился в моей честности». Эх, и дела. Что-то нет писем, черт возьми? Целый день у нас идет окраска землянки, тоже придумали.

Говорят, что мы будем в честь праздника стрелять по наземным.

23 февраля 1942 года

С 12 часов ночи немцы зверски начали палить, осколки так и свистят. Землянка дрожит, снаряды рвутся недалеко. Вот тебе и 24 годовщина! Всю ночь немцы бесновались. Приехали шефы, всего 6 человек, с патефоном, устроили около комсостава выпивон (спирт они привезли, шефы с 2-го завода). Словом, приехать приехали, а мы их так и не видели.

Плохо, что я из дома не взял справочник по формулам для элект-

* Продолжение. Начало в №№ 4 (56)–6 (58), 2010 г.

тричества и радио, теперь очень нужно, а достать нигде. Стреляли заградогнем, кажется, по всему самолету.

Комиссар дивизиона говорит, что окружен немецкий корпус в Павловске (25 км отсюда). Наши идут все вперед. Во время дежурства сшил тетрадь в 180 листов, думаю пустить ее по алгебре. Что-то опять возникло желание сделать ветряк (отремонтировать, переделать). Нужно взять еще транзистор и сделать паяльник, сегодня я сделал себе, так сказать, выходной – ни хера не делал. Да с приемником нужно все делать совершенно секретно, не то у нас оказывается есть мода все передавать командованию.

Нужно только будет собрать детали, а сделать тогда, когда будем жить отдельно.

24 февраля 1942 года

Так как-то незаметно прошел день. Какое-то чувство появилось возбужденное, наверно, получу сегодня вечером письмо. Начал уже решать задачи с двумя неизвестными. Приволок с фабрики кое-какое барахло. В частности, 12 V транзистор. Думаю сделать паяльник.

Принесет ли этот хер лампы или нет? Собираю сейчас различную мелочь для приемника, в частности, достал [неразборчиво] 3 листа.

Эх, принес бы МДС!

Думал произвести расчет контура, но нет материала (справочника). Придется делать наугад.

25 февраля 1942 года

Вот уже вторую пятидневку мы живем всухую, без капли жира. Что такое? Раньше положение было хуже, а жирные были даже консервы. Начал делать и сделал 2 лезвия, осталось только их хорошенько закалить. Сейчас уже пачка папирос стоит 250–400 гр. хлеба, пачка махорки – 500–800 гр. Вот где здорово.

Вечером стоял в наряде и в это время получил наконец-таки письмо из дома.

26 февраля 1942 года

Целый день писал письмо, раз десять, наверно, принимался за него, все перебивали. Написал три листа.

Ну и раскладка на эти дни, просто жуткая: все горох, баланда

и больше ничего. Горох-то хорошо, когда его нормально дают, а так, как дают сейчас воду, то лучше не надо. Все приготовлено без жиру, сухое, мучной суп жидкий-жидкий, особенно, когда его сварит Кибиткин. Говорят, что прибавят крупы с первого. За 25 число наши взяли г. Дрогобуж на реке Днепре. Окружили и уничтожили 16 армию в районе Старой Руссы, потери немцев очень большие. Все говорят, что в скором времени следует ждать больших изменений на фронте, говорят и на лекциях, и так.

27 февраля 1942 года

Опять идут разговоры о куреве. 15 батарее дали по 20 гр. курева, столько же дадут и нам. По новой раскладке, говорят, дадут опять все горох и много овсянки. Вот это, по моему, здорово! Овсянка питательная штука. Эх, это дежурство с 10 до 4-х совсем замучился. За последние дни заставляют стоять по 100% и соблюдают это строжайше, но мы стоим по 50% и по одному греемся. Плохо то, что не спим почти совсем. Вот это дежурство и буду вспоминать после войны, как мы воевали, или создавали военные условия. Старшина все ловит «провинившихся», основная масса – приборы. Сделал, наконец, себе ножик, получился как будто ничего, слабый только. Должен опять прийти к нам Михайлов. С одной стороны (на счет разлива шамовки), херово, а с другой – хорошо – дежурство. Для приемника все собираю мелочь. Электрик лампы еще не принес. Принесет или не принесет?

Послал домой письмо, написанное вчера.

Оказывается, хлеб продает еще Васильев, а я и не знал. Говорят, что крупы прибавили, вернее, не прибавили, а дали старую норму, которая была до урезки в связи с прибавкой хлеба. Жиры дают только на пятидневку, наверно, вторую опять придется поститься.

Решал задачи с двумя неизвестными. На дворе мороз около 20 градусов.

28 февраля 1942 года

Последний день зимы. Какой день! Хотя и мороз, а солнышко пригревает здорово. Мороз –14°, а с крыш капает и снег тает. Кончаю блокнот. Продукты привезли, как и говорили. Херовая раскладка стала. Курево отдал Алферову за ужин. Романова послал подальше. Обрезал новый блокнот, но не закончил. Эх, опять это собачье дежурство, только у нас так, на других батареях, говорят, нет. Погода хотя и не холодная, но дует сильный ветер, который пронизывает насквозь.

Тревоги стали немного пореже. Я сделал сигнализацию «шухера» во время дежурства.

1 марта 1942 года

Только мы заступили на дежурство, как пришло сообщение о том, что с 8 до 2 мы или совсем смоемся отсюда, или, если придет комиссия, будем только наверно все готовиться. Я тоже собрался. Но вопрос, куда мы поедем? Как будем, [неразборчиво] холодно, черт возьми.

«Толкучка» на Сенной площади. Март 1942 г., Ленинград. Фото В. Капустина

Дежурю и клею блокнот, нужно склеить, этот кончился, а другого нет.

Заставили пока чинить ящики и прочее. Ждем отбоя. Никто толком не знает. В 2 часа обед, говорят в 3 будет отбой. Вот, говорят, сейчас будет тревога, приехали чины какие-то, значит не уедем. Это очень хорошо. Отбой, беготня, суета, собрались, немного отчихали и «к бою!». Опять возня. Самое главное – остаемся пока. Заступил в наряд на кухню в 3-ю смену.

Вот и кончил записи благополучно, а писал сначала... Эх ты, Ванька, на что ты надеялся! Ну, да все равно, что было, то загуло. Начнем новый, там, может быть, не придется такие факты писать, какие пришлось писать мне здесь. Должно быть веселее, радости, а не грусть, скука. Да, почти год без 3-х месяцев интересных, полезных, безобразных ее горестями, радостями здесь за 1 год и все за войну – самое интересное.

2 марта 1942 года

Вот и я пишу в новом дневничке. Сколько времени я буду его писать? Второе марта. Первый весенний месяц. На дворе тепло, около 3–4 градусов мороза. Пасмурно...

Стою в наряде на кухне. Сегодня, между прочим, замечательный обед. Суп с кетой [неразборчиво] и на второе перловая каша сечка с кетой вареной. Рыба вкусная и нежная, как масло. Как будто немного наелся. «Как будто» и только. Ничего целый день-деньской на делал, стоял в третью смену и поспать ни хера не удалось.

Так, неважная бумажка на дневничке, промокает. Наверно, и не прочная.

На фронтах особых выдающихся успехов нет, но чувствуется затаенность какая-то. Какие-то дела скрытые от нас, большие события.

Что-то с лампой не слышно. Принесет или не принесет он ее, черт возьми!

Опять ругань появилась у нас, и опять все те же лица. Егорова от нас перевели на ПП, а к нам прислали хорошую сволочь Эпифанова.

Хочу как-то пополнить немного кошелек свой и боюсь, да и отрываться от себя не хочется, больно уж с этим дежурством истощаешься; вместо

Весна 1942 г., Ленинград

того чтобы спать, стоишь на посту, мерзнешь.

Прибавили крупы до 70 гр., но ничего не заметно, все та же вода и две ложки каши на второе и в ужин. Когда я буду иметь возможность нажраться вволю? Хотя и такой простой вещи, как мучного супа, гороховой каши, перловки, пшенки и прочее. Словом, свиной еды, не вспоминая о других, более сложных кушаньях.

3 марта 1942 года

Опять прошел день без всякого толку, дела. Шлялся, шлялся и ничего не смог сделать. Опять я сильно нервничаю из-за всякого пустяка. Чувствую, что нервы мои расстроены. Нервничаю, ругаюсь и никак не могу сдержаться. Все у нас в таком положении. Раньше все передрыги были на почве дежурства, недосыпания из-за каждой минуты, секунды. Эх, и надоело же все это. Закроешься в десятой комнате, сидишь и такое легкое ощущение, как будто ты ушел от всего мира, от ругани, не видишь этих типов, рож. У меня стащили было кальсоны, но я сумел себе достать. Еще это собачье дежурство забирает все силы, терпенье. Сегодня идем в баню. На дворе сравнительно тепло, дует только ветер и иногда метет снег. Комбат сегодня насчет дежурства особенно строг. Что такое?

Словом – да... Я думаю, что на днях я все-таки получу письмо. Не могу найти никак выход из этого кольца.

4 марта 1942 года

Сегодня ночью особенно гоняли нас. Заставили стоять всех. А на дворе метет поземка, дует сильный ветер. Холодно. Сегодня паял котелки ребятам. Дует опять ветер со снегом. Зверски холодно. Мороз около 20°. Днем тоже заставили торчать на дворе. Эх, и дела. Газетных сообщений пока никаких не было. Старшина поехал за продуктами. Привезет ли жир? Вчера и сегодня я договорился с одним «дристающим» трактористом в обмен на хлеб, суп и обед, но обед опоздал взять.

Сегодня пришел таки к нам Михайлов. Я как будто освобожусь немного от одних обязанностей, а то нельзя было ничего делать, как тревога – так и беги.

Пишу в новом блокноте. На сколько времени его хватит? Допишу ли его весь? Что я переживу, если весь его заполню. Наверно, закончится война, а может быть... и домой попаду. Эх, и не говорить!..

К вечеру поднялась настоящая пурга. На обед сегодня первый раз за все время дали овес.

Черт возьми, ночью не спишь, а днем свет горит и тоже спать не хочется, хотя чувствуется, что нужно заснуть.

5 марта 1942 года

Ну и ночь была, просто не знаю, как ее назвать. Заступили на дежурство с 10, потом отменили, приказали спать до 4-х, а с 4-х заступили до 8 часов утра. Мне дали наказание за то, что сидел в землянке и не дежурил: стоять на дворе 4 часа и не заходить греться. Ну, отстояли. Такое дежурство мне более по душе. На завтрак я выменял суп у «дрищущего» за сахар. Электрик таки принес лампу, но только СО-118, я ее купил за 200 гр. хлеба и 45 руб. деньгами. Думаю, что, может быть, пригодится. Черт возьми, а к приемнику еще деталей нужно – уйма: ворнометр, реостат, несколько переключателей и прочую мелочь.

На дворе мороз около 25°, вот тебе и март! Сегодня я иду в караул, стоять придется на дворе в первую смену, не знаю, как буду стоять. Такой холод.

Скоро опять писать придется письмо домой, как раз срок истекает.

Старшина привез табак вчера, сразу раздали 30 гр. 4-х рублевого и 10 гр. 2-х рублевого, половину я отдал сапожнику.

Пообедал я сегодня крепко, съел два обеда, который выменял за сахар и немного табаку. Обед был: щи (между прочим, плохие – вода и гречневая каша с мясом). Наелся до отвала. Подходит время наряда. Заступил с 8 вечера. Вначале девятого часа, с наступлением темноты засияло северное сияние. Сегодня оно было исключительной силы и красоты. Весь северный небосвод пылал, переливался, сиял. Стоять было холодно только ногам.

Ну, к нам пришел Михайлов, теперь я должен быть немного свободнее.

С одной стороны, что он пришел и хорошо, но дело в том, что повар наливает первого одинаково как на 4, так и на 5, 6 и 7. Сегодня, например, в обед первого было мало.

Вот сейчас уже двенадцатый час, а я все пишу. С 8 до 10 я стоял и теперь заступаю с 2-х часов ночи. Пишу, а спать охота... сейчас лягу. Все. Подложу только в печь дров.

6 марта 1942 года

День прошел, как всегда. Между прочим, променял кашу в ужин на второе в обед – горох. Комиссар попросил меня запаковать котел на

кухне. Вот, может быть, и отколется что-нибудь! Запажал котел, и «отколосось» немного гороху с рыбой – все забота Павлова. Наелся, как черт. Зато, правда, ужинать не буду. Дежурим сегодня с 10 до четырех утра, т. е. по-старому. Говорят, на фронте есть успехи, наши заняли город не то Юшново, не то Юхново, черт его знает.

Надо уже писать домой письмо.

7 марта 1942 года

Дежурим, дежурим, как всегда, с конфликтами – без них не обойтись, видно. Начал писать домой письмо. Задумался, когда написал страницу: что писать? Думал, думал, но все-таки написал один двойной лист, описал виденное мною северное сияние и прочее.

Сегодня наши сволочи опять укололи меня, взялся я на завтрак солить суп, а соль мою почти всю какая-то сволочь высыпала. Опять поругался с ребятами. Когда все это кончится?

Целый день пропал, и так ведь теперь будет все время. Сколько бы я задач решил. А приемник... Что бы я сделал... Ведь лампу достал. Почти все уже есть. Эх, черт возьми, какое безвыходное положение. Еще погода, как назло, стоит солнечная, хотя бы вьюга или облачность была. Сидели бы в землянке. Кто такие приказы издает? Говорят, что такое дежурство только у нас. Комбат стал как собака, орет, ругается. Сегодня обедали мы в 5-м часу, все через это дежурство. Даже письмо сегодня не только не послал, а даже не дописал. Писать на дворе – ноги и руки мерзнут. Скорее бы лето. Лег бы себе или сел и сидел. Тепло и «мухи не кусают».

Повар на 6 человек херово наливает, все время жрать охота.

Когда будет такое время, чтобы про жратву не думалось и не хотелось есть. Наверно, до тех пор, пока не тебя будут кормить, а сам будешь для себя стараться. Эх, чтобы я дал, чтобы вволю поесть такой просто приготовленной пищи, как гороху, перловки, гречки, пшенки, муки и прочей свиной еды. Да, свиной, так как раньше только свиньям готовили такой мучной суп, какой готовят нам. Скорее бы Ленинград освобожден, может быть, хлеб был бы продажный, можно было бы покупать. Так письмо опять не послал.

8 марта 1942 года

Вот уже и восьмое марта – женский праздник. Сегодня опять заступили дежурить с 10 до 4-х дня. А с 7-ми утра я возил воду до 9-ти. Пробовал решать задачи на дворе, ничего не получается, руки мерзнут – холодно. Я все-таки никак не могу примириться с тем, что так бесцельно, зря проходит время.

Курево уже кончилось. Если привезут завтра, что мне с ним делать? Эх, жадный я стал: как получим пищу, так чувствую просто нервное состояние, а как ем, так как собака голодная, скоро-скоро, как будто ее кто отнимет. Даже если я и не голоден, получил добавку, променял и прочее и то хватаешь, как шакал, глотаешь, как зверь. Неужели не отвыкну? За последнее время я чувствую, что дают мне мало, и ощущаю все время голод. Ходишь и все думаешь про полный котелок каши или супа.

Наконец только сейчас смог послать письмо домой, да и то пойдет завтра, т.к. поздно снес, а посыльный уже пошел.

На нашем участке не то наши, не то немцы применяют звуковые аппараты от агитации, орет иногда так, что слышно даже отдельные слова, правда, говорят по-немецки.

Во время дневного дежурства пробовал решать задачи на дворе, но, несмотря на то, что мороз был около 10–12°, руки все же мерзли и особенно ноги.

Вот потеплеет, тогда меня и котлом в землянку не загонишь.

Пилюков разбил свои очки, и вот теперь его послали в город за очками. Я куда-то свои очки дел и никак не могу их найти.

9 марта 1942 года

Вот уже и девятое. Сегодня старшина едет за продуктами. Что привезет? Привезет ли жиры? По телефонограмме нам должны вместо жиров давать добавочно около 85 гр. мяса, но т. к. мяса нет, то мы его не получаем.

Что такое, черт возьми: меня сегодня опять разбудили в 7 часов для возки воды. Кто назначил? В чем я провинился? Ну, раз возить, так возить. Плохо только то, что спал-то я только всего около 3-х часов и спать охота ужасно. И как-то получилось так, что я с 7-ми до 9 вожу воду, а с 9 дали тревогу, и я до

10 стоял дневальным тоже на дворе, а с 10 опять на дворе дежурство, даже не согрелся. Хорошо еще, что тепло сравнительно было, всего утром было около -9° , а днем даже 7° мороза, даже не мороза, а температура заряда так, что мороз стоял и того меньше.

Ходил к Павлову насчет добавки – отказал – нет.

К 2-м часам приехал старшина, привез продуктов и курева по 15 гр. табак восьмирублевый. Привез 7 штук аккумуляторов «заря». Пошел в 10 комнату приводить в порядок, и вот тогда повар принес супу с завтрака. Чувствую, что Павлову что-то нужно сказать мне, но он не решается. Догадываюсь:

– Павлов, вам курева хватает?

– Нет, не хватает.

– Если хотите, то я могу вам свой отдать.

– О, если можете, я вам хлебом или деньгами заплачу.

Но мне ни хлеба, ни денег не надо. Я ему и говорю:

– Нет, Павлов, мне ничего не надо, я его так дам.

– Тогда я вам, что от меня будет зависеть, все сделаю.

Прошу его, чтобы об этом никто не знал, он уверил меня. Вот и договорились, черт возьми, как и думал раньше, только получилось как-то неожиданно, и в душе у меня какое-то берет сомнение и недоверие такое, какое я ощущал, когда впервые завершил «сделку» с Валькой. Ну, хер с ним, не важно, может быть, теперь дела пойдут лучше.

Опять паять пошел, черт возьми, ничего не получил, так как большой расход.

А обед сегодня был хорош, суп-мука густой-густой. Во время моего пребывания на кухне немец открыл бешеную стрельбу по нам, снаряды со свистом пронеслись над головами и рвались метрах в 20–30 от дома, весь лед на озере разбили, будку 1-го расчета продырявили, стекла на кухне выбили, запустили снарядов 20, но, к счастью, никто не пострадал. Получил табак, но вот задача: как его отдать, так, чтобы не знала наша сволота. Я знаю, сейчас же пойдут толки, разговоры. Хотя мне наплевать. Факты налицо: блат есть у меня. К вечеру погода испортилась, начал метсти снежок, хотя на дворе и тепло. Но это к лучшему. Сегодня наш расчет идет в караул,

а я остаюсь на приборе. Думаю выспаться, то есть поспать не менее 8-ми часов, если только удастся.

Старшина, говорят, привез разнообразные продукты, даже лук, морковь и прочее. Мяса привез, наверно, с добавкой, т. к. очень много, и кажется ничего.

Что-то долгожданного письма все нет. Принес Пилуков очки. Нужно будет и мне поехать, купить, кроме того, и учебников, задачников и тетрадей.

В газете нет ничего существенного, кроме общей сводки с 5 февраля и 5 марта. Убито около 40 тысяч немцев и взято только три города: Сухиничи, Юхнов и Дрогобуж, много трофеев. Это на одном Западном фронте.

Говорят очевидцы, что в городе уйма продуктов, все есть, но дают по книжкам, очередей нет. Значит, дела идут, налаживается понемногу.

Что-то Михайлов, не то для подкупа меня, не то и в самом деле, обещает принести часы и загнать подешевле. Говорит, часы хорошие. Врет, наверно, говорит для того, чтобы я спаял портсигар.

Сегодня я разозлился здорово. Даже вся жизнь надоела, все опротивело, не находишь выхода из этого круга заколдованного, хочется чего-то и не знаешь чего. Эх, и состарюсь я быстро, душа-то очерствеет, нервы – самое главное, нервы расстроятся. И так я стал как зверь.

10 марта 1942 года

Целый день использовал на ремонт аккумуляторов, кое-что сделал и для приемника. Все мечтаю о «Микрошк» и «Мд», где бы их достать! Между прочим, делал формуляры для станции питания.

Так и прошло дневное дежурство. Какая радость, нашел я свои очки.

Старшина, оказывается, привез даже лук, морковь и целый мешок гороху, только, по-моему он плохой, т. к. круглый, хорошо бы было колотый. Погода на дворе очень теплая, конечно, сравнительно. Мороз всего около $4-5^{\circ}$. Идет снег. У Кибитника раза три просил добавки, все не дает. Вот сволочь.

Ком. взвода упр., лейтенант Мезинов имеет ко мне какую-то симпатию, это я давно замечаю, однажды вошел в баллистику и разговаривали с ним. Оказывается, он учился

на Украине в Днепропетровском горном институте, там, где учился Юра Штамбург. Он украинец, что для меня особенно приятно. Говорили по душам.

11 марта 1942 года

Сегодня я сплю с 8 часов вечера 10 числа и до 4-х часов утра 11, потом стою 3 часа с 4-х до 7. Выспался по-настоящему, спал около 7 часов, а утром почти половину прогрелся нелегально в 1-м расчете. Около 7 часов сумел снести Павлову то... Он дал мне деньги, я не хотел брать, но он категорически настоял: «Ну, ну, я так не могу, бери, а то... то, само собой, т. е. насчет добавки». Ну, раз такое дело, я, конечно, от денег не отказываюсь. Как будто никто не видел, хотя чем черт не шутит. А если и узнают, черт с ним, побольше нахальства и потери совести – и все убито. Сейчас пишу эти строки в восьмом часу утра, [неразборчиво] – невозможно.

С сегодняшнего дня меняется распорядок дня: подъем в 8, завтрак в 9, обед в 4 и с 5 до 9 отбой, а с 9 до 10 – ужин, ну, а с 10 вечера до 4 утра, известное дело, – дежурство. На дворе с ночи стало сравнительно холодно, морозец этак около $15-18^{\circ}$, словом, пробирает... Ребята все получают письма. Когда же получу я?

На завтрак подстрелил добавку – суп и... даже мне сунули кусочек хлеба... грамм 100. Спрашивается, зачем? Съел я это все, конечно, с благоговением. Потом я все-таки дал понять ему, чтобы хлеба больше не давал, не хочу я, не могу брать. Дежурил целых 6 часов на дворе без перегреву. В обед дал каши порции 2–2,5, наелся вдоволь. Леша тоже берет добавки.

Целую ночь шла зверская перестрелка с обеих сторон.

Составил список на радиолампы. Где бы их достать?

Газеты сообщают о больших успехах не только на нашем фронте, но и на других, в частности, успехи в окружении 16 армии. Это сообщения были за 8 и 9. Какая-то задача попала, черт возьми, никак не получается, вернее, получается, но или условие неверное, с ошибками, или черт его знает что.

Все, черт возьми, пишу-пищу, а забыл написать о том, что немцы числа 9-го или 10-го (точно не помню) произвели около 15–20 вы-

стрелов по нашей батарее. Снаряды рвались на позиции, и в озере один разорвался метрах в 5–10 от дома, стекла все вылетели. И, между прочим, что-то за последние дни немцы и наши сильно стреляют.

12 марта 1942 года

Сегодня хозяйничает сам Кибиткин. Целый день провозился в 10 комнате, все производил ремонт телефонизации, на дворе не дежурил, хотя и здесь замерз изрядно.

Мороз на дворе держится большой, почти около 20°. Взял для ремонта у комиссара нож. Дело с приемником идет очень медленно. Удивительное дело, сегодня после завтрака удалось подстрелить небольшую добавку. Вот как идут у нас дела: комсостав гоняет нас за дежурство, а сам все просирает, на днях ночью, минут за 5 до конца дежурства, приходит Богомаз и дает тревогу. Все выбежали, а нашего «ретивого» командования все нет – спят. Ну, конечно, нагонный был им, а потом досталось и нам, особенно часовым, за то, что пропустили его. Сегодня пальба с обеих сторон зверская, опять снаряды рвутся недалеко. Неожиданно заступил в наряд на кухню во вторую смену. На дворе мороз, черт возьми, даже не верится, в марте –25°.

Говорят, что такие морозы продержатся еще, может быть, до 20 марта. Посмотрим, увидим. Через 3 дня уже 15 месяцев, как я из дома.

Пришел я с наряда, и наш шибздик снял меня с караула и поставил на приборе, замерз как черт. Когда стоял на кухне, сообщили, что включили свет. В городе или ходят, или будут ходить трамваи. Словом, дела помаленьку налаживаются. Ну и мороз!

Как радостно на душе, когда есть свет! Спать неохота.

13 марта 1942 года

Возил воду и спал всего около 2-х часов, устал зверски. Да еще мороз хорош. Вернее, не воду возил, а дрова, на кухню и в баню. Сорвал на завтрак немного добавки, возил в 10 комнате, хотя и немного. Таки окончил паять нож комиссару, возился с аккумулятором и посему не дежурил. На обед получил каши немного, поел без хлеба. Завтра старшина привезет продукты. Привезет

ли курева? Говорят, что привезут. Немцы дают здорово, особенно по фабрике, все виной этому большое движение автомашин.

Снаряды рвутся совсем недалеко. Нужно было бы постирать белье, завтра баня, а я и не брался.

После обеда в 8 часов заступил в наряд к комсоставу в первую смену. Ночью выспался, спал около 7 часов. Ну и морозы стоят, температура заряда даже 27°, а что на дворе, наверно, около 30°. И все дежурят, несмотря на такой холод.

14 марта 1942 года

Чувствую себя сравнительно нормально, самое главное – неохота спать. Опять выгадал так, чтобы не дежурить: убирал землянку до 10, а с пол-одиннадцатого до 3 стирал белье. Мороз зверский. Немцы около 2-х часов открыли ураганный огонь по фабрике. Снаряды рвутся недалеко. День прошел и ничего не сделал. После обеда спал до 9 часов.

Интересную открытку получил мой товарищ. Адресована на него, а пишет мать Бориса Родзевича Борису. Наверно, путаница вышла в Горсовете, куда мы обращались. Ребятам все приходят письма, а мне все нет и нет.

Приехал старшина, привез табак, кажется, по 50 гр. Когда кончатся разговоры о шамовке? Старшина привез жиры, наконец. Теперь живем! Эх, еще месяц-полтора и потом меня в землянку ни черта не загонят, возьмешь тетрадку, карандаш, сядешь и будешь писать. Да, великое дело тепло. Все мысли у меня на стороне моего будущего приемника. Когда я его сделаю?

Да уж, приходит время писать еще одно письмо домой. Как, кажется, быстро прошло время! На дворе морозец держится «нормальный», под вечер закатил аж до 28 градусов.

Начал читать было книгу «Юшка», по-моему, так ничего.

15 марта 1942 года

Сделали подъем в 7 часов и в баню. Помылся и не хорошо, но и не плохо. На дворе все такой же мороз. Целый день дежурил на дворе, время прошло как-то быстро. Черт возьми, нет даже времени написать письмо, побриться. Да еще со светом безобразие: целые сутки нет света. После обеда только забежал

и сделал переключатель, да и то не окончил. Между прочим, электромонтеру дал список ламп. Авось да достанет. Потом дал список на учебники, тоже, может быть, как-нибудь сумеет достать. За последние несколько дней я стал сравнительно выспаться, сплю примерно по 5–6 часов.

16–17 марта 1942 года

Мастерил в компании; дело с приемником понемногу продвигается. В газете была сводка Юго-Западный и Южный фронт от 7 до 12 марта, большие потери немцев, убито около 10 тысяч.

Ночью пришло известие об изменении дежурства. Теперь мы дежурируем по 4 часа 3 раза в сутки. Вчера начал писать домой письмо и только сегодня окончил, но послать позабыл, пошло завтра. В письме писал чепуху, лишь бы заполнить листок.

Между прочим, сегодня у меня удачный день: утром высмотрел у Мильтона замечательный нож, правда изношенный. Но в чем беда – сделаем. В нем 6 предметов и самые необходимые. Купил его примерно за 230–250 гр., а свой старый продал за такую же цену своему командиру. Сегодня с приемником почти не делал ничего, все ремонтировал связь и делал ящики.

Черт возьми, надо было бы достать где-нибудь горчицы и перца – замечательные штуки. Ну и суп вчера был на обед, я остался голодный как собака, зато сегодня в обед рванул так рванул, съел овсяной каши примерно порций пять, не меньше. Ужин тоже был ничего. Словом, сегодня я был сыт, несмотря на то, что утром поел почти без хлеба. Сегодня иду в караул, спал совсем мало, всего 2,5–3 часа. Вчера вечером было партийно-комсомольское собрание, крыли [неразборчиво] был комиссар дивизиона, а наши даже не знают, для чего была собрана публика. Мороз днем был всего 12–13 градусов, а сейчас, вечером, опять около 23 градусов. Ну, надо спать, уже около половины первого, а в полпятого подъем. Записал бы еще, да нет времени, да и бумагу надо экономить.

*(продолжение
в следующем номере)*